

Итак, если даже в основании математических выражений лежат формы чувственности, пусть и особо выделенных объектов (пространство и время), то что запрещает нам основание исторического знания рассматривать как особым образом организованное (сконструированное) эмпирическое знание? Ведь И.Кант, говоря о математике, также настаивал на конструктивности ее оснований. «В ее основании должно лежать *чистое воззрение*, в котором оно может представлять все свои понятия *конкретно* и между тем *априори*, или, как это называется, *конструировать* их»³. Правда, можно возразить, что знание чувственное и опытное — разные типы знаний. Так каждый из нас помнит свои собственные истории, что, вне всякого сомнения, является его чувственным знанием, но они никогда не достигают уровня точности, достаточного для того, чтобы другие считали это знание научным.

Можно предположить, что в основаниях исторического знания лежит знание чувственное (неточное, возможное, приблизительное), а в основании естественнонаучного знания — знание опытное. Правда, сам И.Кант выделяет чувственное знание, как необходимый элемент естествознания. Именно в форме чувствования формируется первоначальное представление об объекте, существующем в пространстве и во времени. Лишь после возникновения такого представления ученый имеет право анализировать априорные формы опытного естествознания. На этом уровне объект естественнонаучного знания ничем особенным не отличается от объекта исторической науки, который еще до конкретного исследования должен быть определен в конкретных пространственно-временных границах. Совсем другое дело, может ли объект исторической науки соответствовать опытным формам существования в том виде, в котором они были выделены И.Кантом.

На первый взгляд это абсолютно невозможно. Историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем. Объект этого знания исчез. История всегда «прошла» и ученый

имеет дело только с ее следом. Собственно говоря, осознание этого факта и легло в основание деления законов естествознания и истории на номологические и идеографические, введенное В. Виндельбандом и Г. Риккертом. Однако сам И. Кант и не утверждал, что объект науки должен быть исследован опытным путем, он разрабатывал лишь априорные формы познания, необходимые для того, чтобы опытное познание было обоснованно. Вот эти-то формы, на наш взгляд, и для естествознания и для истории идентичны, совсем другой вопрос — имеет дело ученый с «феноменами» или с «ноуменами», т.е. с необходимой формой восприятия объекта или с необходимой формой его долженствования.

Мы убеждены, что по мере выделения истории как науки из всего комплекса исторического познания она все меньше имеет дело с той или иной формой идеологии и объект ее исследования приобретает характер феномена познания. Современный ученый историк проводит сознательный отбор понятий, позволяющих представить объект его исследования, существующий сам по себе, вне зависимости от оценок, каким он должен быть для нас. Но деление на «феномен» и «ноумен» относится скорее к антропологическим воззрениям И. Канта, а не к тому перевороту в гносеологии, который он совершил своей «Критикой чистого разума».

В качестве примера эксперимента в истории обратимся к исследованиям М.И. Финли, проведенным для проверки Аристотелевского объяснения процесса обнищания афинского общинно-родового полиса на рубеже 8-7 вв. до н.э., приведшего к так называемой «архаической революции» и реформам Солона.

Собрав все надписи на закладных камнях, сохранившихся до сих пор, и сравнив их с описаниями аристократических афинских родов, М.И. Финли пришел к парадоксальному выводу, опровергающему расхожее представление о механизме процесса обнищания рядовых общинников на рубеже веков, данное еще Аристотелем. Заклад земель и последующая ее продажа за долги касались прежде всего не

рядовых общинников, а представителей знатных и богатых семей — афинской аристократии. Выводы, полученные М.И.Финли, противоречили ранее утвердившемуся представлению о социально-политических процессах, происходивших в афинском обществе. Они вызвали оживленную дискуссию среди историков античности⁴.

Сегодня можно говорить, что большинство исследователей признает если не все выводы, сделанные М.И.Финли, то, по крайней мере, правомерность его подхода. Данный случай показывает, что эмпирическое (опытное в терминологии Канта) исследование становится в исторической науке реальностью ее существования. Исследования, проводимые на основании моделирования изучаемых процессов, статистических и компьютерных обработок данных, полученных в результате этого моделирования, становятся естественными и повседневными в современном историческом знании. Все это свидетельствует о том, что в истории можно выделить не только теоретический, но и эмпирический уровень исследования и что их взаимосвязь может быть осуществлена стандартным для любой естественно-научной дисциплины способом — путем эксперимента.

Вышесказанное наталкивает на мысль о применимости априорных форм опытного знания, рассматриваемых И.Кантом в «Трансцендентальной аналитике», по отношению к анализу исторического знания. Единственную сложность, по-видимому, составляют лишь категории модальности, а именно средняя категория данного ряда — «действительность», связанная с наличием материальных условий представления вещи в опыте. Напомним, что в качестве необходимого условия применимости данной категории Кант настаивал на действительности восприятия исследуемого предмета в реальном опыте, что для науки о прошлом — невозможно. Правда, сам Кант, рассматривая применимость данного условия, делает существенную оговорку, относящуюся к возможным будущим событиям. «Что могут быть жители на Луне, хотя ни один человек никогда не видел их,

можно, конечно, допустить; однако это означает только, что в возможном продвижении опыта мы могли бы встретиться с ними; ибо действительно все то, что находится в контексте с восприятием по законам эмпирического продвижения»⁵. Данная оговорка представляется нам существенной. В соответствии с анализом и логическим аппаратом, предложенным А.М.Анисовым⁶, мы склонны предположить, что в отношении прошлых и будущих событий в истории, с точки зрения логики, действуют равномошные по своему содержанию вероятностные тенденции. Следовательно, событие допускаемое как возможно действительное в будущем, «по законам эмпирического продвижения», может на тех же самых логических основаниях быть возможно действительным в прошлом. Если бы наше восприятие было перенесено в прошлое, данное историческое событие должно было бы случиться именно так, как мы его описываем и было бы доступно нашему восприятию. Поэтому можно констатировать, что даже данная категория модальности вполне может подходить, по крайней мере с точки зрения логической непротиворечивости, для описания исторического знания. Более того, любой практикующий историк старается описать исследуемую им реальность не только в категориях вероятностного и законосообразного события, но и как события действительного, что и устанавливается при помощи приведенных историком фактов.

После столь длительного обоснования возможности применения к анализу истории форм эмпирического знания, рассмотрим, как эти формы реализуются в современной исторической науке.

Проблема исторического источника

История начинается с вопроса «как это нечто было?», но даже в сегодняшней жизни мы имеем на этот вопрос совершенно разные ответы, зависящие не только от остроты

нашей наблюдательности, но и от акцентуации нашего взгляда. В тех областях человеческой жизни, где решение данного вопроса не затрагивает основ нашего существования, эта многозначность восприятия становится предметом искусства. В тех областях, где человечество сталкивается с необходимостью выбора одного ответа — например, в юриспруденции, — вырабатываются определенные процедуры установления истины. Важно установить не только факт преступления, но и его мотив, т.к. от мотива во многом зависит выбор того или иного наказания. Юридическая практика оказала огромное влияние на становление историографии. В этом нет ничего странного. Справедливость важнее для человека, чем истина.

Источник отделяет историю от других областей гуманитаристики, но он же сближает ее с наукой. Собственно говоря, наукой историю делает соотношение с источником, т.е. источник — единственная действительность исторической науки, то, благодаря чему история может оперировать категорией истинности.

Источник ставит перед историком массу проблем. Прямого источника чаще всего не существует, необходимо доказать репрезентативность источника, интерпретации источников могут быть взаимоисключающими. При этом историк может действовать по-разному: 1. Он может прочесть у философов о логике исторического процесса и выбрать те источники, которые эту логику подтверждают. 2. Он может привлечь косвенные источники из других областей знания. 3. Он может смоделировать проблему и на ее основе начать работать с источниковедческим материалом. Но в любом случае он должен уметь задать источнику такой вопрос, на который можно получить ответ. Мастерство историка заключается в методике задавания вопросов источнику и оценке ответов. Это не просто, если учесть, что в качестве источников до нас доходят памфлеты победителей, что смогли убедительно показать Фогель и Энгерман в своем исследовании, посвященном экономике рабства в Соединенных Штатах⁷.

Ясно, что историк реконструирует историю, в какой-то степени придумывая ее, опираясь на источники. При этом его воображение может работать как у романиста⁸. Тем не менее отличие историка-профессионала от романиста заключается, по Коллингвуду, в том, что историк знает, какие вопросы можно задавать источнику, а какие — нельзя. Часто ориентиром этого мастерства оказывается не только знание истории, но и соблюдение критериев, выработанных научным источниковедением. Наше знание о ранней истории славянства крайне ограничено, поэтому появление обширных письменных источников, относящихся к этому периоду, вызывает невольное сомнение у историка-профессионала. Уже в 1846 году на опубликование в журнале «Иллюстрация» «Сказания о Руси и о вечем Олзе» не последовало никакого отклика историков. Профессионалы просто проигнорировали этот источник, и, как впоследствии выяснилось, небезосновательно. То же самое произошло через столетие с «Влѣсовой книгой», которая также оказалась фальшивкой.

Однако мало сказать, что история зависит от источника. Зависимость истории и источника взаимна. Одно дело История государства Российского, другое — История России. В первом случае в качестве источников вас интересуют государственные акты и высказывания послов о государевых людях, во втором — жизнь народа, населяющего эту землю, и высказывания послов о передвижении на просторах России, об обмене, о быте, о размере запашки и т.п. С появлением в XX веке истории цивилизации возникает сложная методологическая задача: что должен включать в себя источник, говорящий о цивилизации? Может ли сама цивилизация сказать нам нечто о себе? Очевидно — нет. Вплоть до XX века люди не ощущали себя представителями цивилизации, они жили в разных государствах, у них были разные религии, они могли принадлежать к разным народам, и этих различий вполне хватало для того, чтобы описать отличие «другого». Какие изменения наших представлений об исто-

рии в XX столетии заставили выделить нас такой компаративистский объект, как цивилизация? Совершенно ясно, что существуют независимые мнения о «других», но не являются ли они всегда субъективными, а часто до комичного превратными. В чем же объективность источника по истории цивилизации? Для ответа на этот вопрос нужно выделить некоторые особенности повседневной жизни, которые приводят к устойчивому возрождению на одной и той же территории сходных в историческом плане форм существования человека. И после выделения этих особенностей мы обязаны показать необходимость их складывания в целое не только в пространственном, но и во временном смысле. После осознания данной проблемы концепция «вызовов» и «ответов» А.Тойнби уже не кажется столь экзотической.

Еще более отчетливо видна зависимость историка от источника на примере истории исторических школ, например «Анналов». В 60-е годы нашего века она раскололась на два течения. Для одного исследование ментальности оставалось краеугольным камнем истории. Второе отказывало этому понятию в праве на существование⁹. Представители первого по преимуществу были медиевистами — историками Средних веков. Вторые — историками Нового времени. Нам кажется, что определяющим в этом расколе был характер массива источников раннего Средневековья и Нового времени. Чтобы понять феодальную «революцию» XII века, описанную М.Блоком, необходимо реконструировать изменения мировоззрения средневекового человека на основании художественных, литературных произведений, изменении религиозного культа, т.к. источники хозяйственной деятельности того времени часто нерепрезентативны. От Нового времени осталось такое большое количество источников по экономической и хозяйственной деятельности, что обращение к анализу ментальности как бы теряло смысл. Изменение ментальности голландского бюргера XVII столетия могло быть интересным, но гораздо больше нам говорили об этом бюргере динамика банковского процента, торго-

вый баланс голландских компаний и специфика производительности труда в голландских торговых компаниях. Тем более что загадки такая история задавала не менее интересные, например «загадка Нарвы»¹⁰.

Историк не просто зависит от источника. Он его находит и интерпретирует, создавая тем самым возможность прочтения и проверки другим историком. При этом он руководствуется прежде всего следующей логикой. События в истории — это человеческие деяния. В отличие от палеонтолога, который, раскапывая, описывает окаменелости в рамках того или иного временного ряда, историк должен поставить вопрос, каким человеческим целям служил тот или иной объект. Все человеческие деяния имеют внутреннюю сторону. За каждым из них — мысль человека. Историк хочет понять мысль и тем самым познать ее¹¹.

Реконструировав мысль, историк задает следующий вопрос: «А был ли прав человек, мыслящий так?». Он должен оценить мысль и деяния человека, показать ценность данной мысли. Следующий шаг заключается в том, что человек, совершивший то или иное историческое действие, пытается передать свои мысли как современникам, так и потомкам. И историк задается следующим вопросом — насколько адекватно удастся это человеку прошлого. Но и на этом исследование не окончено. Человек прошлого историчен. Он имеет представление о тех, кто был до него, и о тех, кто будет после него, т.е. какое-то представление об историческом процессе. Реконструкция представлений человека прошлого об обществе и об истории оказывается такой же необходимой задачей для историка, иначе деяния человека прошлого будут представлены не исторически. Не важно, сколько раз Цезарь пересекал Рубикон, важно, что перешел он его один раз.

Все это связывается в некое единство исторического факта, но и здесь исследование историка еще не закончено. Ему важно понять: первое — как другие историки до него реконструировали и понимали данное деяние; второе — в чем

они были правы, в чем — не правы; третье — какие конкретные выводы и открытия он сделал как историк и что он готов передать историкам, которые придут после него.

В свете именно этих задач историк а) отбирает; б) конструирует; в) критикует источники. Отбирает — потому что ссылка на авторитет является логической уловкой, и для историка отбор источников зависит не от авторитета, а от соответствия его критерию исторической истины, которая гласит, что некоторые события могли произойти в мире, а некоторые — не могли. На основании возможных событий происходит конструирование источника, заключающееся в согласовании высказываний, содержащихся в источнике, с высказываниями, предполагаемыми в нем.

В первые годы правления Василия Темного Московское княжество могло стать вассалом Великого княжества Литовского. В один из дней рождения Витовта, в соответствии с источниками, малолетний князь со своей матерью Софьей Витовтовной и митрополитом прибыл в Вильно, где якобы и мог произнести текст вассальной присяги. Но существуют и другие источники, в соответствии с которыми нахождение митрополита в Вильно в эти дни ставится под обоснованное сомнение. Возникает вопрос: было или не было присяги? И если была — то можно ли ее считать подлинной? Тем более, что Витовт вскоре умер, и в Литве началась междоусобица. Вопрос о вассалитете Московского княжества, конечно, дискуссионен. Не дискуссионно другое — это был момент наиболее тесных взаимоотношений Великого княжества Литовского с Московским княжеством. Витовт тех лет — самый могущественный князь Восточной Европы. Его дочь при малолетнем сыне практически управляла Московским княжеством и отношения между отцом и дочерью в соответствии со средневековым мировоззрением могли быть гораздо более тесными, чем формальный вассалитет. Правило исторической конструкции гласит: «Если наша конструкция не включает ничего того, что не выте-

кает с необходимостью из имеющихся данных — она является законной исторической конструкцией — без которой вообще невозможна история».

Наконец, существует априорное историческое воображение. Историк должен представлять историю как целостный процесс, в котором его отдельные части взаимосвязаны. Именно с этой точки зрения он должен подходить к осмыслению источников, т.е. он должен оценить данные источников по их связанности с историческим смыслом, под которым мы понимаем комплекс вопросов при решении исторической проблемы, которая формирует системность источника. Тем самым историк открывает в истории смысл, который мог быть и непонятен современнику происходящих событий. Что, например, древний грек или викинг знали о законе ответственности спроса и предложения, — видимо, меньше, чем современный экономист. Однако как торговцы или купцы они подчинялись действию этого закона.

Приведем пример системного конструирования источника при поиске такого смысла. Для историков XIX века в истории Греции оставались загадкой причины, по которым Солон, потомок царя и аристократ, создал для Афин демократические законы. После работ М.И.Финли, который показал, что закупы афинских земель за долги разоряли прежде всего аристократов, которым требовались деньги для поддержания своего статуса, стало понятно, что законы Солона защищали прежде всего аристократию. Решилась загадка Солона, но возникли вопросы — какая демократия была создана в Афинах, а затем следующий, более обобщающий вопрос — в чем была специфика общественной жизни греков. Старые источники были прочитаны заново, под новым методологическим углом зрения. Знания, которые в результате были получены, перевернули наши представления о социальной жизни древнегреческого общества. Грек оказался чрезвычайно корпоративным существом. Вся его жизнь регламентировалась религиозными, правовыми, нравственными, политическими законами и традициями корпорации, в